

Ирина Аверина

Парадоксы Ключева

Хоть это и безумие,
но в нем есть последовательность

У Евгения Васильевича Ключева – поэта, прозаика, драматурга, переводчика, журналиста, художника, филолога – в «Теории литературы абсурда» есть Глава Первая, которая называется: «Художественная литература как тип аномалии». Мое знакомство с Текстом началось именно с нее. Чуть позже в мои руки попала книга «RENYXA: литература абсурда и абсурд литературы», объединившая различные жанры: прозу, драматургию, стихи, статьи, включая небольшую монографию. Затем были отдельные длительные романы с романами «Между двух стульев», «Книга теней», «Андерманир штук», «Давайте напишем что-нибудь», со сборниками сказок, книгой стихов «Зеленая земля» и еще, и еще. С замечательными постановками на сцене Российского академического молодежного театра в Москве (спектакли «Сказки на всякий случай» и «Думайте о нас»).

И неважно, что автор с 1996 года живет и работает в Копенгагене: он довольно часто приезжает в Москву, где встречается со своими читателями. Еще говорят, он искренне любит Украину, – и может быть, может быть, когда-нибудь однажды мы встретим его летним солнечным днем на заседаниях международного литературного фестиваля в Одессе... А сейчас на моем рабочем столе – его новый роман-петля «Translit». И как говорит автор в той самой Главе Первой, знакомя нас с теорией литературы абсурда: «Если Подлинный Текст «падает с неба», то и понят он может быть только и исключительно «на небе». Итак...

– Евгений Васильевич, помогает ли абсурд в литературе (искусстве) выявить абсурдность нашей жизни?

– У меня устойчивое впечатление, что литература вообще ничему в жизни не помогает и ничему не мешает. Они, литература и жизнь, друг от друга отдельно существуют, но вполне возможно, что время от времени друг другом восхищаются или друг другу ужасаются. Но не пересекаются – никогда, в этом я с каждым годом все больше уверен. Начиная писать, человек выбывает из жизни, а возвращаясь к жизни, утрачивает навыки письма.

– Где лучше искать безупречную бессмыслицу?

– Если согласиться с существованием бессмыслицы как таковой (а я не уверен, что признаю ее существование), то искать ее, видимо, лучше все-таки не в жизни, а в литературе. Я постепенно прихожу к убеждению в том, что жизнь абсурда не знает: нам могут быть неизвестны причины происходящего, но они всегда есть, и когда-нибудь станут для нас очевидными. И именно незнание причин приводит к тому, что какие-то фрагменты жизни, в худшем случае – вся жизнь, начинают казаться нам абсурдными. Только ведь одно дело – наше восприятие жизни, другое дело – сама жизнь. Так что бессмыслицы – или, как я теперь предпочел бы их называть, неразгаданные

смыслы – суть удел литературы. И в этом отношении бессмыслица тем безупречнее, чем меньше шансов на разгадку она нам предлагает.

Лимерики Эдварда Лира, к примеру, на грани безупречности – потому что нам никогда, наверное, не разгадать, по какой же такой причине столь вопиюще несостоятельные с точки зрения этики издевательства над «старцами» и «старухами» – главными героями Лировских лимериков – способны породить реакцию смеха, а не сострадания. Или по какой такой причине принадлежность человека к местности с определенным названием может давать возможность приписывать этому человеку некие специфические свойства.

– Как же тогда вывести язык на чистую воду?

– Боюсь, что и это нам никогда не удастся: нечем! Предполагается ведь, что процесс выведения языка на чистую воду должен осуществляться языковыми же средствами... и действительно: анализ языка всегда будет происходить на языке же, – а это одно гарантирует полный провал любого начинания в данной области. Это все равно что поручить коррумпированному чиновнику бороться с коррупцией. И вообще, я полагаю, что многие беды человечества происходят от одного и того же заблуждения: будто слова способны заместить предметы. Отсюда, кстати, и гипотеза о влиянии литературы на жизнь. Увы (или ура): мир вербальный и мир реальный не то чтобы чужды друг другу – они не соотносимы вообще. Но я опасаясь того, что человечество, осознав это, просто перестанет существовать... а потому давайте-ка мы лучше будем пребывать в заблуждении и считать, что слова корректно обозначают то, что мы назначили им обозначать!

– Хаос смысла в абсурде?

– Не уверен, что «хаос смысла» – пригодное словоупотребление... Да и по поводу «бессмыслицы» у меня, как я уже сказал, сомнения. Если «хаос смысла» и «бессмыслицу» посчитать неразгаданными смыслами, то окажется, что ни хаоса смысла, ни бессмыслицы не существует – существует лишь наша беспомощность перед загадками языка.

– Может ли что-то быть одновременно «тем же самым» и «другим»?

– Боюсь, что, скорее, не может быть иначе! К вашему вопросу едва ли можно отнестись как к вопросу онтологическому, если же это гно-

сеологический вопрос, то понятно, что все зависит от позиции наблюдателя. А наблюдатель, видите ли, дело такое... сменил позицию в пространстве – и прощай, привычный мир, ибо теперь уже все предстает в совершенно новом ракурсе. Так что ни о чем-то мы не можем судить... в том числе и о содержании понятий «тот же» – «другой».

– Уже шестнадцать лет вы живете и работаете в Копенгагене. Все ли спокойно в Датском королевстве?

– Это в Багдаде все бывает спокойно, насколько я помню по фильму «Волшебная лампа Аладдина»... В Датском же королевстве параметры существования издавна были, мягко говоря, немножко другими – см. кровавого «Гамлета»! Хотя, конечно, «Гамлет» тоже не имеет отношения к Дании – он имеет отношение только к шекспировским представлениям о Дании... м-да, которые к Дании, в свою очередь, могут не иметь и вовсе никакого отношения. Но, слава Богу, в сегодняшнем Датском королевстве все-таки поспокойнее, чем во времена Гамлета (вне зависимости от того, имели ли такие времена место где-нибудь, кроме литературы): во всяком случае, борьбы за престол давно не велось – и престолонаследники на ближайшие два поколения предсказуемы с абсолютной точностью. Предсказуемо и отношение к ним: Дания влюблена в королевский дом, несмотря на то, что государству он обходится крайне дорого. Но самое спокойное в данной ситуации даже не это: никакого влияния на судьбу Дании королевский дом, что бы в нем ни происходило, не имеет... оно-то и успокаивает!

– Как вы думаете, о чем бы разговаривали Эдвард Лир и Даниил Хармс, если бы встретились?

– Скорее всего, о вас, дорогая Ирина, – о человеке, благодаря воображению которого такая встреча оказалась возможной! Поскольку – уверен – оба были бы вам крайне признательны... во всяком случае, Хармс, ибо предположить, что Лир знал бы, с кем встретился, я не могу, даже несмотря на некоторую мою причастность к миру абсурда.

– Скажите, пожалуйста, удовольствие и текст – вещи совместимые?

– Более того: взаимообусловленные – для меня-то уж точно... Кстати, вне зависимости от того, согласился ли бы с этим подразумеваемый вами Ролан Барт. Если процесс письма, в чем я совершен-

но убежден, не составляет удовольствия для автора, рассчитывать на то, что процесс чтения доставит удовольствие читателю, в высшей степени безрассудно. Я, например, тешу себя уверенностью в том, что не написал ни одного текста, который не доставлял бы мне удовольствия в процессе письма. Другое дело, как я отношусь к уже состоявшемуся тексту... Но я, слава Богу, не читаю того, что мной написано. Кстати, мне кажется, что разгадка читательского ощущения «не могу этого читать» – именно в том, что автору не доставлял удовольствия процесс письма. Поскольку – увы! – текстов, написанных без удовольствия, а в силу той или иной необходимости, пруд пруди.

– Как связать последовательное безумие с абсурдом?

– Это немножко трудно, но можно опять же вспомнить «Гамлета», где Полоний замечает: «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность». Иными словами, определенная «последовательность» может оправдывать безумие... Одна моя знакомая любила, например, повторять: «У каждого психа своя программа». Но вот как пристроить сюда литературный абсурд... а вот так, например: литературный абсурд тоже требует последовательности. Нельзя написать текст, абсурдный на треть или наполовину, поскольку абсурд есть система представлений, захватывающих все пространство литературного целого. Думаю, что как-то так и связать... с вашего позволения!

– А кто из одесских авторов вам знаком?

– Увы, только мертвые. Даже если из современных кто-то и знаком, то я редко интересуюсь происхождением автора (как, кстати, и прочими фактами его биографии), – раз и навсегда усвоив из Рильке:

«...запомнит все – забудет лишь
взглянуть, откуда звук».

– Возможно ли, по вашему мнению, существование «одесского текста», или это абсурд?

– Вполне возможно, почему же... Есть ведь понятие «одесский юмор» – и, стало быть, есть возможность создания текста, ориентированного на этот тип юмора, одна из примет которого (для меня, во всяком случае) – возведение заурядной ситуации к крайней. И вот тут мы уже определенно на пути к абсурду.